

Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области
«Архангельская областная научная ордена “Знак Почета”
библиотека имени Н. А. Добролюбова»

Центр культурных и просветительских программ

Региональный центр книги

Диалоги о вечном: Виктор Астафьев и Федор Абрамов

Сценарий литературного вечера, посвященного
100-летию со дня рождения Виктора Петровича
Астафьева

Архангельск
2024

УДК 021.4+027.02
ББК 78.374.3+78.373.8:83.3+83.3(2Рос=Рус)6-8Астафьев В.П.,4+
83.3(2Рос=Рус)6-8Абрамов Ф. А.,4
Д 44

Автор сценария:

Титова Галина Павловна, заведующий сектором «Региональный центр книги» отдела «Центр культурных и просветительских программ» Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова

Дизайн презентации: Антипина Марина Владимировна, главный библиотекарь отдела «Центр культурных и просветительских программ» Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова

Диалоги о вечном: Виктор Астафьев и Федор Абрамов : сценарий литературного вечера, посвященного 100-летию со дня рождения Виктора Петровича Астафьева [электронное издание] / Государственное бюджетное учреждение культуры Архангельской области «Архангельская областная научная ордена “Знак Почета” библиотека имени Н. А. Добролюбова», Центр культурных и просветительских программ, Региональный центр книги ; автор сценария Г. П. Титова ; дизайн презентации: М. В. Антипина. — Архангельск, 2024. — 18 с.

«Мощный, суровый, эпичный» Федор Абрамов и «пронзительный, щемящий» Виктор Астафьев. Хотя виделись они редко, у обоих всегда было желание непринужденного, свободного личного общения. Попробуем представить, что они встретились, не на официальной трибуне или писательском собрании, а просто так, может быть в гостях друг у друга, в пинежской Верколе или в таежной Овсянке, и душевно поговорили о главном, вечном, наболевшем. Это размышления о детстве, родине, семье, войне, творчестве и о многом другом, что волновало писателей на протяжении всей жизни.

Сопровождается демонстрационным материалом.

УДК 021.4+027.02
ББК 78.374.3+78.373.8:83.3+83.3(2Рос=Рус)6-8Астафьев В.П.,4+
83.3(2Рос=Рус)6-8Абрамов Ф. А.,4

© ГБУК АО «Архангельская областная научная библиотека имени Н. А. Добролюбова», 2024

Слайд 1. Заставка акции

Слайд 2. Заставка с названием

Слайд 3

Ведущий

По свидетельству Валентина Распутина, в 80-е не было в России более сильных людей, чем писатели. Общество с удовольствием позволяло себе смеяться над политическими вождями, не доверяло ученым. Но кто, вспомним, позволил бы себе усомниться в искренности тех, кто были воистину народными писателями, к слову которых жадно прислушивались. Только «талантливая честная душа способна врачевать, способна помочь в пору отчаяния и полного безверия, способна вдохнуть силы для жизни и поступков».

(Герои выходят отдельно.)

Слайд 4

Астафьев

Едкий на слово, колючий характером был писатель Федор Александрович Абрамов. Я как-то в совместной поездке спросил его:

— Скажи, Федор, вот когда это кончится?

— Чего?

— Вот начальник какой-нибудь, чин даже невеликий, говорит часто глупости, говорит, вздор несет, мусором словесным заваливает, но глядишь на него и вдруг обнаруживаешь: рот твой распялен в улыбке, одобрительной, угодливой.

— Тебе сколько ноне исполнилось?

— Сорок восемь.

— Ну, значит, еще два года. У меня это кончилось в пятьдесят лет.

Подумал, подумал Федор Александрович и добавил со вздохом:

— Но может и никогда не кончиться. Тут характер нужен.

Еще подумал и добавил:

— Да уважение к себе хоть мало-мальское.

Слайд 5

Абрамов *(Держит в руках книгу, читает.)*

«Автору романа — “Две зимы и три лета”, прекрасной и печальной песни о русском народе, Федору Абрамову, мою самую дорогую книгу о самом дорогом — Родине. Астафьев, Пермь, 1968 г.» Дарственная надпись на первом издании книги «Последний поклон».

(Говорит задумчиво.)...Слишком много дорогого и светлого связано у нашего поколения с этим писателем, слишком он был нам необходим и привычен. Думающий, с обостренной совестью.

Слайд 6

Ведущий

«Мощный, суровый, эпичный» Федор Абрамов и «пронзительный, щемящий» Виктор Астафьев. Хотя виделись они редко, у обоих всегда было желание непринужденного, свободного личного общения. Попробуем представить, что они встретились, не на официальной трибуне или писательском собрании, а просто так, может быть в гостях друг у друга, в пинежской Верколе или в таежной Овсянке, и душевно поговорили о главном, вечном, наболевшем.

(Герои сближаются, садятся рядом.)

Слайд 7. Диалог 1. ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Слайд 8

Ведущий

Щемяще-трогательные истории о трудной, но такой прекрасной и счастливой поре — детстве. У Федора Абрамова будни крестьянской жизни часто показаны глазами ребенка, автор пристально вглядывается в каждого человека и дает ему оценку: каков он? В чем его сила и слабость? А рассказы Виктора Астафьева в автобиографической книге «Последний поклон», по его словам, «почти все о моей родине — Сибири, о далеком деревенском детстве, которое, несмотря на трудное время и сложности... все-таки было удивительно светлой и счастливой моей порой».

Слайд 9

Астафьев

Дом мой стоит на горе Гремячей. Гора по имени речки названа, что начинается в горах и течет по этому хребту. Это высокая гора, внизу Енисей. За Енисеем знаменитый сибирский заповедник Столбы. Вот какое красивое у нас место. Выше по Енисею, километров пятнадцать, моя родная деревня. Она называется Овсянка. Там я родился, там рос, там осиротел очень рано и потом воспитывался у родителей матери, деда и бабушки, Екатерины Петровны.

Слайд 10

Абрамов

Я родился в красивейшем месте России, для меня, конечно, красивейшем. В Архангельской области, в селе Веркола, на реке Пинеге. Волнами, пестрыми табунами ходит разнотравье по лугу, а за лугом поля, Пинега, играющая мелкой серебристой рябью, а за Пинегой прибрежный песок-желтяк, белые развалины монастыря, красная щелья и леса, леса — синие, бескрайние, до самого неба...

Слайд 11

Астафьев

Детство — это лучшая пора жизни человека, а наше деревенское детство было богато впечатлениями... очень мы много играли во всякие игры, с утра до вечера играли. И с ранней весны, когда появлялись проталины, мы уже что-то добывали себе на пропитание... если бы дано мне было повторить жизнь сначала, я выбрал бы ту же самую, насыщенную событиями, радостями, победами и поражениями. Они помогают обостренней видеть мир и глубоко чувствовать доброту. Лишь одно хотел бы я изменить: попросил бы судьбу оставить со мной маму

Слайд 12

Абрамов

Всякий раз, когда я спускался с деревенского угора на луг, я как бы вновь и вновь попадал в свое далекое детство — в мир пахучих трав, стрекоз и бабочек и, конечно же, в мир лошадей, которые паслись на привязи, каждая возле своего кола... Мама, Степанида Павловна, неграмотная крестьянка, которая с трудом умела ставить три печатных буквы. Но крепкая, неглупая, властная и работящая женщина, рано овдовевшая, но которая твердой и уверенной рукой повела нашу семейную ладью.

Слайд 13

Астафьев

Детство несчастным не бывает. Надо уж сильно постараться, чтоб его уничтожить. Уж что только с нашим народом не делали, а детства лишить не смогли. Детство по-своему счастливо всегда. Я в детстве, например, яблока не видал. Нам дяденька привез мелкие яблоки. Мы ели, думали, лучше не бывает. И были счастливы. Я выиграл на олимпиаде коробку конфет. Ребята разделили, мне достался небольшой кусочек. Радости было много. Так что счастье — понятие относительное.

Слайд 14

Абрамов

Знаешь, счастливые были годы. Дал нам веркольский совет землю под расчистку. Мать-вдова собрала нас всех робяшей... и повела пилить, корчевать лес, пашню готовить. Работали, можно сказать, круглые сутки. Свет стоит — белые ночи. Припадем, прямо тут же на расчистке, на часок для роздыху, и опять в работу. Пашню распахали, скотину свою завели, лошади, коровы, овцы...

В тридцать втором году я окончил начальную школу первым учеником, и, казалось бы, кто как не я должен первым войти в двери только что открывшейся в соседней деревне пятилетки? А меня не приняли. Не приняли, потому что я был сын середняка, а в первую очередь, за малостью мест, принимали детей бедняков и красных партизан. О, сколько слез, сколько отчаяния было тогда у меня, двенадцатилетнего ребенка!

Слайд 15

Астафьев

Беспризорничество. Сиротство. Детдом-интернат. Игарка далась мне тяжело, но и дала немало... Там я впервые услышал, например, радио, патефон, духовой оркестр, пианино, прокатился на велосипеде. Впервые увидел полярное сияние, оленей, нарты, испытал себя на собачьей упряжке. А на районной олимпиаде меня однажды премировали настоящими финскими лыжами. Наконец, именно в Игарке я написал свой первый рассказ «Жив», который учитель литературы Игнатий Дмитриевич Рождественский поместил в школьный рукописный журнал. А в газете «Большевик Заполярья» в заметке «Литературное творчество игарской детворы» даже опубликовали мое четверостишие.

Слайд 16

Абрамов

Хотя я родился в таежной, в лесной глуши, в четырехстах километрах от ближайшего города, но имя писателя для меня всегда, с малых лет, было окружено ореолом особого почитания и особой славы. Брат Василий и его жена, в доме которого я был всегда желанным гостем, очень много сделали для того, чтобы я встал на ноги, для того, чтобы я первый в нашей семье и один из самых первых в деревне получил высшее образование. Алексей Федорович Калинин. Старый учитель, естественник. По уму, живому, разностороннему, по нравственному началу и чистоте он мог бы занять и украсить любую университетскую кафедру.

Слайд 17

Астафьев

А я таким вот и помню деревенского учителя — с чуть виноватой улыбкой, вежливого, застенчивого, но всегда готового броситься вперед и оборонить своих учеников, помочь им в беде, облегчить и улучшить людскую жизнь. В деревне к семье учителей уважение было всеобщее. Их чтили за вежливость, за то, что они здороваются со всеми кряду, не разбирая ни бедных, ни богатых, ни ссыльных. К тому же, они были готовы каждому оказать посильную помощь в составлении какой-нибудь бумаги или просто выслушать односельчанина.

Слайд 18

Абрамов

Во все времена нес свет культуры в народ сельский учитель. Так и повелось: каков учитель — таковы и дети, таков и облик села. Поделюсь секретом. У меня есть давний замысел написать повесть, роман — это уж как получится, — где деревня и интеллигенция существовали бы не в разных потоках. Всем сердцем хочется воспеть подвиг интеллигенции нашего прошлого, армии земских врачей, учителей, сельских духовных пастырей. Русская литература в долгу перед ними.

Слайд 19

Астафьев

Думал я, думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне, стараясь не особо-то унижать и не до небес возвышать их словом. Они были интересны мне и любимы мной такими, какие есть на самом деле, и жизнь их обыкновенная была привлекательней всех выдуманных... Вот и начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своем детстве, о селе родном и его обитателях, о дедушке и бабушке, ни с какой стороны не годных в литературные герои той поры. Первоначально цикл рассказов и назывался «Страницы детства». Рассказы писались легко, быстро, радуя сердце...

Слайд 20. Диалог 2. ДО СИХ ПОР УЧУСЬ НА ПИСАТЕЛЯ

Слайд 21

Ведущий

У Виктора Астафьева, рано лишенного семьи, так и осталось шесть классов образования. Федора Абрамова, несмотря на звание «первого ученика», унижали при поступлении в пятый класс за принадлежность к «среднякам». Друзья вспоминали: «Федор Александрович любил изображать простака, прикидываясь деревенщиной: мы, дескать, мужики, наше дело за плугом ходить, мы этих тонкостей ваших не понимаем...»

Слайд 22

Астафьев

Как трудно, невыносимо тяжело стать, да и потом сохранять себя интеллигентом при нашем-то мужицком мурле. Из города Чусового осенью 1959 года я уехал учиться на Высшие литературные курсы в Москву, которые и окончил в 1961 году. Из тяжелого города, с тяжелой промышленностью, загазованного, задымленного, где нравы и мораль не способствовали творческому труду, даже наоборот, угрюмой провинциальностью не прощающего «выскочек» и вообще всякую грамоту, надо было уезжать.

Слайд 23

Абрамов

Меня мой друг, ленинградский художник Федор Федорович Мельников, заставил писать, ибо мы, крестьянские дети (это всем известно, кто вышел из деревни), отравлены комплексом неполноценности на всю жизнь. Это он заставил меня взяться за писательское перо, это он поверил в мои силы. Все студенты знали о моем крестьянском происхождении, и все оборачивались ко мне. А я готов был провалиться сквозь землю. Да, я, крестьянский сын, не чувствовал себя хозяином жизни.

Слайд 24

Астафьев

Жалею, что не знаю иностранных языков, не получил настоящего образования. Я бы учился хорошо! Писателю надо обязательно знать два-три языка. Ощущение своей неполноценности, безграмотности — оно остается. Я страшно завидую молодым, которые имеют возможность учиться. Другое дело, что некоторые из них перегружены поверхностными знаниями... А мне приходится всю жизнь добирать самообразованием. Я до сих пор учусь на писателя. Я многого так и не выразил из того, что кипело, бурлило во мне...

Слайд 25

Абрамов

Я с детства был равнодушен к слову, к сказкам. Первые книги ошеломили меня... Среди первых прочитанных книг были «Жилин и Костылин» Толстого, «Мартин Иден» Джека Лондона, книги Мопассана, других иностранных авторов. С детства любил Гоголя. Хорошо помню, как читал роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Стояли белые ночи. Я сел за книгу вечером и в совершенном потрясении читал ее до утра. Так и не заснув в эту ночь ни на минуту, утром пошел в школу. Зачитывался «Оводом». Любимым героем был Печорин.

Слайд 26

Астафьев

Первой самостоятельно прочитанной мною книгой стал «Робинзон Крузо». Случилось это как бы нечаянно. Когда я закончил первый класс, отец женился. Он увез мачеху и меня в далекий таежный поселок. Школы там не было. Вскоре отец заболел. Чтобы как-то меня занять, отыскивали несколько книг. Но детская оказалась только одна — «Робинзон Крузо» — затрепанная, без начала и конца. Всю зиму читал ее по складам. Но именно она стала первой моей настоящей книгой, которую сам прочел. Помню до сих пор тот ужас, который охватил меня в эпизоде, где описано появление на острове людоедов. Как-то, ближе к весне, получил от кого-то из мужиков, появившихся в поселке, в подарок «Рыжика» Свирского и «Школу» Гайдара... И во всех передрыгах меня, пожалуй, вела и спасала книга.

Слайд 27

Абрамов

Не могу без чувства глубокой трепетности, глубокого волнения вспомнить тетушку Иринью Павловну — старая дева, которая всю жизнь обшивала за гроши, почти задаром, деревню. Но великая праведница, вносившая в каждый дом свет, доброту, свой мир. Единственная, может быть, святая, которую я в своей жизни встречал на земле. От рук этой тетушки Ириньи — она в отличие от матери была большой книгочейшей — я впервые вкусил духовной пищи.

Слайд 28 (на фоне одного слайда)

Астафьев

Я везде находил себе по вкусу книги, читал в самых неподходящих, даже немислимых ситуациях и условиях. Может быть, то, что сейчас наши ребята перекормлены книгами, и вредит им. Книга теряется среди многих вещей нашего времени, и, таким образом, книга теряет свою исключительность. Я, например, каждую берег, свою ли, чужую... Если бы у меня тогда была какая-то своя любимая книга (о множестве и не говорю), я бы обязательно обращался с ней очень аккуратно, берег бы ее, обернул бы тщательно и везде таскал за собой.

Абрамов

Известно, что человек строит себя сам. Но, боже мой, сколько строило людей меня! Сколько было учителей, и учителей — неграмотных, малограмотных, профессоров, ученых, академиков, и своих, русских, и заграничных <...>. Все они влияли на меня. Все они меня делали.

Слайд 29

Астафьев

Пушкин для меня — как воздух, которым дышишь. А Гоголь у нас до сих пор не прочитан как следует. Гоголь — бездна! Вчера наткнулся у него в «Ночи перед Рождеством» на поразительную строчку, где летит Вакула, а навстречу — метла, «на которой, видно, только съездила, куда нужно, ведьма». Или в «Мертвых душах» — «взлетел петух с расклеванной до мозга головой по причине волокитства». Тут просто руками разводишь. Такое изощренное мастерство ошеломляет. В начале пути, кроме Горького, моим идеалом и кумиром был Вячеслав Шишков, позже — Лесков. Но я вовремя понял, что свое лицо, свой стиль, своя манера — это и есть писатель. И пошел к самому себе. Высшие литературные курсы, что я прогрыз, прополз и одолел очно в Москве, дали немало — не зря та двухлетка приравнена была к высшему образованию. Учусь всю жизнь.

Слайд 30

Ведущий

В астафьевской библиотеке среди авторов, стоявших «плечом к плечу» на полках под стеклом книжных шкафов, были Достоевский, Тургенев, Лесков, Шишков, Солженицын, Замятин, Соллогуб, Гумилёв, Данте, Рабле, Моруа, Ремарк... сколько же специальной литературы — от «Говора Среднего Приобья» до «Истории и дипломатии» и книг по искусству! Отдельный шкаф занимают книги из серии «Жизнь замечательных людей». Библиотека Федора Абрамова — это собрание документов, включающих книги с пометками, записями. Здесь же книги писателя, изданные за рубежом, а также литература о Русском Севере, фольклоре, народных традициях, сказителях, приобретенная им в период работы над «Чистой книгой».

Слайд 31. Диалог 3. ВОЙНА

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Д. Самойлов

Слайд 32

Абрамов

Самая большая радость в моей жизни — это то, что я прошел через войну и остался жив. А на войне мне пришлось повидать много. Страшно много случайностей, в результате которых я оказался жив. Это надо рассказывать очень долго, и вот для меня самый великий праздник, тут уж я открываю прописные истины, это, конечно, День Победы. Ребят, которые со мной ушли на фронт, нет в живых. Но они и мертвые помогают мне жить. И я должен жить и работать не только за себя, а и за тех, кого сегодня нету.

Слайд 33

Астафьев

Жизнь, проживаемая человеком, и есть его опыт. Но самый тяжелейший опыт — война. И надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Я всё помню. Память, она действительно милосердна. Обычная жизнь многое стирает. Война мне лет десять снилась. Но в подсознании-то всё осталось. И когда садишься писать, ты с подсознанием выходишь как бы на связь с этим своим вторым «я». Которое и есть бессмертная душа. Оно всё про тебя знает, всё понимает. Ты в жизни от него прячешься, но когда садишься за стол — пишешь им, из него. Больше неоткуда.

Слайд 34

Ведущий

В начале войны Виктор Астафьев приезжает в Красноярск и в сентябре поступает учиться в железнодорожную школу ФЗО № 1 на станции Енисей. До осени 1942 года он работал в команде составителей поездов. В повести «Где-то гремит война» (1966) отображены судьбы рано повзрослевших ребят. Один из поездов был эшелон из блокадного Ленинграда, целый вагон в котором был забит умершими во время следования людьми. Астафьеву и его товарищам предстояло их похоронить. Как железнодорожник, Виктор имел бронь. Но именно это событие заставило молодого человека добровольцем попроситься на фронт.

Слайд 35

Астафьев

Что делается вокруг? Зима. Голодуха. Драки на базарах. Втиснутые в далекий сибирский город эвакуированные, сбитые с нормальной жизненной колеи, нервные, напуганные, полураздетые люди, стиснув зубы, преодолевают военную напасть, ставят заводы, куют, точат, пилят, водят составы, крутят руль, кормят себя и детей. И, как нарочно, как на грех, трещат невиданные морозы... Всегда думал, что война — это бой, стрельба, рукопашная, но там, где-то далеко-далеко. А она вон как — везде и всюду, по всей земле моей ходуном ходит, всех к борьбе за жизнь требует и ко всякому своим обликом поворачивается.

Слайд 36

Ведущий

Круглого отличника, первого ученика школы Федора Абрамова приняли на филологический факультет Ленинградского госуниверситета без экзаменов. После третьего курса он ушел сначала на оборонные работы, потом — в ополченцы и солдаты. Пережитое нашло отражение в незавершенных рассказах «В сентябре 1941 года», «Молодой командир», «Белая лошадь», которые он хотел посвятить погибшим сокурсникам.

Слайд 37

Абрамов

Мы, наше отделение студентов-филологов, охраняли минное поле — большой, покрытый сочной травой луг, примыкавший к речке. Передовая была где-то впереди, за речкой, и оттуда, естественно, шли отступавшие — группами, одиночками, и наша задача была предупреждать своих.

А если кто-нибудь всё же попадет на минное поле? Ночью, во время тумана? Что мы должны делать? Насчет этого никаких инструкций мы не получили. Предполагалось, видно, что наши бойцы не могут угодить на свои мины. А если всё же угодят? Тут мы были беспомощны. У нас не было карты минного поля (опять секрет?)... Мы уже три дня не имели связи со своей ротой, оставшейся где-то за картофельником на опушке леса, и там уже третий день горела необрунная рожь. Где наши? Может быть, ушли? Может, отступили? И мы в окружении? Кругом были пожары. Рвались снаряды, шел бой. И мы сидели у этого минного поля и ждали команды, когда нас снимут.

Слайд 38

Ведущий

Фронтовик, связист в артиллерийском полку, отмеченный несколькими боевыми наградами, Астафьев рассказывал о войне то, что видел сам; то, что с легкой руки писателей и военкором называли «окопной правдой». Главная книга писателя о войне — роман «Прокляты и убиты». Часть первая «Чертова яма» и часть вторая «Плацдарм», отнявшая у писателя немало сил и здоровья и вызвавшая бурную читательскую полемику. Война не оставляет писателя, тревожит память — и в 1997 году он завершает повесть «Веселый солдат».

Слайд 39

Астафьев

Вечером на каком-то полустанке из нашего третьего дивизиона собралось около сотни человек, полуобезумевших, оглохших, изорванных, обожженных, с треснувшими губами, со слезящимися от гари и пыли глазами. Мы обнимались, как братья, побывавшие не в небесном, а в настоящем, земном аду, и плакали. Потом попадали кто где и спали так, что нас не могли добудиться, чтобы покормить. Никакая фантазия, никакая книга, никакая кинолента, никакое полотно не передадут того ужаса, какой испытывают брошенные в реку, под огонь, в смерч, в дым, в смрад, в гибельное безумие, по сравнению с которым библейская геенна огненная выглядит детской сказкой со сказочной жутью, от которой можно закрыться тулупом, залезть за печную трубу, зажмуриться, зажать уши.

Слайд 40

Ведущий

В ноябре 1941 года Абрамов был тяжело ранен — ему перебило обе ноги, и лишь случайно он был обнаружен бойцом похоронной команды. Тяжелую зиму 1941/1942-го провел в ленинградском госпитале, был эвакуирован по льду Ладожского озера, преподавал в школе, затем прослужил в запасном стрелковом полку, после чего — как грамотный, владеющий немецким языком — был переведен на службу в отдел контрразведки Смерш Архангельского военного округа. В середине 1950-х Абрамов собирался написать об этом периоде своей жизни автобиографическую повесть «Кто он?».

Слайд 41

Абрамов

Ночью нас, трех курсантов военного училища, неожиданно подняли и под конвоем повели в весеннюю распутицу по ночному Архангельску. На вопрос «Куда ведут?» — «Увидите. В контрразведку...» В общем-то, я не задумывался о противоестественности всего этого. Так, может быть, жалость просыпалась свободного человека к заключенному. И только... Тогда я в лучшем случае допускал несправедливость по отношению к отдельным людям... если и оказывал какое-то сопротивление системе, то шел на ощупь. Повинуясь какому-то инстинкту, врожденному, что ли, чувству справедливости. Поиски преступника истинного, поиски истины и поиски самого себя. *Мой характер требует постоянного обновления, изменчивой, подвижной работы. Пожалуй, надо уйти.* Осенью 1945-го Абрамов демобилизовался из Смерша. Он восстановился в университете и продолжил обучение.

Слайд 42 (на фоне одного слайда)

Астафьев

Вспомнилось поверье, будто каждая звезда отмечает отлетающую душу, — и я, в который уже раз, угрюмо отметил, что человеческие поверья и приметы создавались в мире для мира, и потому здесь, на войне, совсем они не совпадают и не годятся, ведь если б каждая звезда отмечала души убиенных только за последний месяц, только на ближнем озере, то небо над головою опустошилось бы, и было бы это уже не небо, на его месте темнела б мертвая, беспросветная немота.

Абрамов

Я вдруг вспомнил притчу из далекого детства — о том, что после смерти людей души их поселяются на звездах, каждая душа на особой звезде. Но, боже, как холодно, одиноко и тоскливо на этих звездах, подумал я. И почему бы душам погибших на войне из этой деревни не поселиться в собственных домах, за которые они отдали жизнь? И едва я подумал так, как тотчас же мертвые дома, чернеющие под ярким, алмазным небом, представились мне сказочными бревенчатыми мавзолеями, в каждом из которых покоится душа погибшего на войне хозяина — солдата. Бревенчатые мавзолеи... По всей России...»

Слайд 43 (на фоне одного слайда)

Ведущий

Осенью 1945 года Виктор Астафьев демобилизуется из армии и вместе со своей женой, сержантом почтового отделения, Марией Семеновной Коряжиной приезжает на ее родину — город Чусовой на западном Урале. По состоянию здоровья Виктор уже не может вернуться к своей специальности составителя поездов и, чтобы кормить семью, работает слесарем, чернорабочим, грузчиком, плотником, мойщиком мясных туш, вахтером мясокомбината.

Астафьев

Здесь же, в этом незабываемом городе, я начал пописывать, попал работать в местную газету «Чусовской рабочий», затем недолго поработал собкором Пермского областного радио. Здесь же в 1951 году опубликовал в «Чусовском рабочем» первый свой рассказ. Он был замечен, и я начал заниматься литературным трудом. В феврале 2001 года будет пятьдесят лет моему литературному стажу.

Слайд 44 (на фоне одного слайда)

Ведущий

А у Абрамова — послевоенный Ленинградский университет, аспирантура, диссертация. Будущий критик, доцент, преподаватель, романист. Еще будучи аспирантом, Абрамов время от времени брался за эскизы к первому роману, который назовет «Братья и сестры». Других вариантов у него не будет. Возможно, имея в виду многодетную семью Абрамовых, ставшую прототипом семьи Пряслиных, художественно переселенную из времен Гражданской войны во времена войны Отечественной.

Абрамов

Интуиция, вдохновение, озарение... Или, как я назвал бы всё это, невидимая химия творческого процесса, происходящего где-то в глубинах нашего сознания и проявляющая себя в виде внезапных «мыслительных» всплесков и эмоциональных разрядов... Область загадочная и совершенно неизученная. Да и вообще — поддается ли она изучению? Работа! Работа! Каждая хорошо написанная строчка, каждый хорошо написанный абзац, страница — это самое большое счастье, это самое большое здоровье, это самый лучший отдых для души, для ума, для сердца...

Слайд 45. Диалог 4. ГЛАВНЫЙ ДОМ КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК В ДУШЕ СТРОИТ

Слайд 46

Ведущий

Если вы хотите увидеть Астафьева и Абрамова в самой сокровенной их сущности, откройте их книги и углубитесь в них. Там они все, полные трепета, любви и сострадания ко всему живому, полные дум и забот о вашем сегодняшнем и завтрашнем бытии. Почему мы не приведем свою землю в порядок сами же себе на радость и пользу? Как избежать, не допустить печальных последствий неразумного посягательства на естественные законы природы — колыбели человека? Это проблема не только экологическая, но и нравственная.

Осознание ее серьезности необходимо каждому, чтобы не истоптать, не повредить и не ожечь природу и себя огнем бездушия и глухоты.

Слайд 47

Абрамов

Родина — это то, без чего невозможно представить жизнь человека. Я вкладываю в это понятие прежде всего нравственный смысл. Для всякого честного человека любовь к Родине — это святой долг по ее возвышению и, когда надо, защите. Только люди с пустой душой теряют сыновнее чувство к Родине. Главный-то дом человек в душе у себя строит. И тот дом ни в огне не горит, ни в воде не тонет.

Слайд 48

Астафьев

В глуби России видывал я такие картины: деревня с умолкшими подворьями, дыры выбитых окон или накрест и внахлест досками зашитых, пустые, на гвозде шатающиеся или вместе с жердью набок опавшие скворечники, бурьян по огородам и дворам, кусты, подступающие со всполья вплотную к заборам, к стенам домов или взнявшиеся на крышах, чащи, густящиеся на хлебных, гречишных и льняных полях.

Слайд 49

Абрамов

Дом, обитель — живое существо. Оно печалится, упрекает, радуется, рождается, умирает. Чтобы выстояла страна, чтобы выстояла Россия... Надо, чтобы выстояли дома. Неказистые, старые, бревенчатые. Дом Степана Андрияновича, дом Пряслиных... Ибо будут эти дома, будет и Россия. Из них Россия. Нет домов Пряслиных, Ставровых, нет и России... А большой дом, дом-Россия — всё за счет этих малых. А между прочим, Россия-то из домов состоит... Да, из деревянных, люди которые рубили...

Слайд 50

Астафьев

В моем родном доме, еще прадед строил, устроили школу, разобрали перегородки и сделали большой общий класс. После школы было в нем правление колхоза. Когда колхоз развалился, жили в нем Болтухины, опиливая и дожигая сени, терраску. Потом дом долго пустовал, дряхлел, и, наконец, пришло указание разобрать заброшенное жилище, сплавить к Гремячей речке, откуда его перевезут в Емельяново и поставят. Быстро разобрали овсянские мужики наш дом, еще быстрее сплавили куда велено, ждали, ждали, когда приедут из Емельянова, и не дождались. Сговорившись потихоньку с береговыми жителями, сплавщики дом продали на дрова и денежки потихоньку пропили.

Слайд 51

Абрамов

Север не бросок. Красота его не поражает с первого взгляда. Ее надо разглядеть. У северян потаенная, скрытая красота, но именно эта красота и покоряет навсегда. Утрата связей человека с животными, с землей, с природой может обернуться очень серьезными последствиями. Потому что земля, животное, общение с ними — это один из главных резервуаров, из которых черпается человечность... исчезнут эти отношения, доброты и... повторяю, неизвестно, чем это кончится. Не отразится ли это вообще на самой природе человеческой и не поведёт ли к каким-то очень серьезным и непредвиденным изменениям национального характера.

Слайд 52

Астафьев

Оттого и страшусь, когда люди распоясываются в стрельбе, пусть даже по зверю, по птице, и мимоходом, играючи проливают кровь. Не ведают они, что, перестав бояться крови, не почитая ее, горячую, живую, сами для себя незаметно переступают ту роковую черту, за которой кончается человек, и из далеких, наполненных пещерной жутью времен выставляется и глядит, не моргая, низколобое, клыкастое мурло первобытного дикаря.

Слайд 53

Абрамов

Я любил эту тихую деревушку, насквозь пропахшую молодым ячменем, развешенным в пухлых снопах на жердяных пряслах. Но особенно меня восхищали пижемские дома — большие бревенчатые дома с деревянными конями на крышах. Впрочем, сам по себе дом с коньком на Севере не редкость. Но я ни разу еще не видел такой деревни, где бы каждый дом был увенчан коньком. А в Пижме — каждый. Идешь по подоконью узкой травянистой тропинкой, в которую из-за малолюдья превратилась деревенская дорога, и семь деревянных коней смотрят на тебя с поднебесья.

Слайд 54

Астафьев

Землю свою люблю и не перестаю удивляться красоте ее, неистощимому терпению и доброте... И жизнь предоставляла мне постоянную возможность быть на природе и с природой. В детстве я любил пошариться в бабушкиной корзине. Там и мята, и зверобой, и шалфей, и девятишар, и кисточки багровой, ровно бы ненароком упавшей туда брусники — лесной гостинец, и даже багровый листик с крепеньким стерженьком — ер-егорка пал в озерко, сам не потонул и воды не всколебнул, да еще эта модница осенняя, что под ярусом — ярусом висит, будто зипун с красным гарусом — розетка рябины.

Слайд 55

Абрамов

Я частенько брал с собой хлеб и подкармливал лошадей, а если не случалось хлеба, я всё равно останавливался возле них, дружелюбно похлопывал по спине, по шее, подбадривал ласковым словом, трепал по теплым бархатным губам... Помню, в сорок седьмом вернулся в деревню. Голод, разор, запустение, каждый дом рыдает по не вернувшимся с войны. А стоило мне увидеть первую лошадь, и на мысли пришел Карько. — Нету вашего Карька, — ответил мне конюх-старик. — На лесном фронте богу душу отдал. Ты думаешь, только люди в эту войну воевали? Нет, лошади тоже победу ковали, да еще как...

Слайд 56

Астафьев

Придет время — ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать. Люди! Россияне! Исчезла птица сойка! Еще одной жизни не стало возле нас! Люди! Что же вы не кричите? Что же вы в набат не бьете? Дети, почему вы не плачете по птичке, дивной, сказочной? Многие из вас не слышали живого жаворонка, не кричит вам с полей перепелка: спать пора! Вечерами с деревенского всполья от озера и реки не извещает коростель о начале лета, на ближнем вспаханном поле не спрашивает чибис, чьи вы. А уже ничьи вы...

Слайд 57

Абрамов

Мне давно уже, сколько лет, хотелось найти такой уголок, где бы всё было под рукой: и охота, и рыбалка, и грибы, и ягоды. И чтобы непременно была заповедная тишина.

В Пижме я нашел всё это с избытком. Деревушечка в семь домов, на большой реке, и кругом леса — глухие ельники с боровой дичью, веселые грибные сосняки.

Слайд 58

Астафьев

Сам я рыбак и ярый охотник. Много брожу. Леса здешние и округу знаю отлично. Все реки проплыл и обходил. Красота на них не поддается описанию. Так что я богатый человек. Темы и замыслы меня одолевают постоянно. Умеет ли плакать рыба? Кто ж узнает? Она в воде ходит, и заплачет, так мокра не видно, кричать она не умеет — это точно! Если б умела, весь Енисей, да что там Енисей, все реки и моря ревмя ревели б. Природа, она ловкая, всё и всем распределила по делу: кому выть-завывать, кому молча жить и умирать.

Слайд 59. Диалог 5. ЖЕНЩИНА. СЕМЬЯ. ЛЮБОВЬ

Слайд 60

Ведущий

Сгорают-рушатся избы, умирает любовь, страсть, родители, учителя. Выход из вселенской безнадёги — в семье, женщине-матери, женском начале. В домашнем очаге. Россию спасли и вытащили-выходили из бед и войн святые бабы, великие русские женщины. Евдокия-великомученица, Василиса Прекрасная из «Деревянных коней», Поля Открой Глаза, с четырнадцати лет «у пня», астафьевская праведница Паруня.

Слайд 61 (на фоне одного слайда)

Абрамов

Мать, бывало, в самые трудные времена, когда с голоду пухли, выгребала на каждую Пасху грязь из избы. Надрait, наскоблит сосновый потолок и сосновые стены — в самую непогоду в избе солнце.

Астафьев

Дед женил старшего сына на Потылицыной Лидии Ильиничне, моей будущей маме. Так вот, в содомном, часто пьяном доме моего деда появилась работница из большой, трудовой и крепкой семьи. Я всю жизнь ощущал и ощущаю тоску по сестре и на всех женщин, которых любил и люблю, смотрю глазами брата.

Абрамов

А как, какой мерой, каким мерилом измерить подвиг всё той же русской бабы в послевоенную пору, в те времена, когда она, зачастую сама голодная, раздетая и разутая, кормила и одевала страну, с истинным терпением и безропотностью русской крестьянки несла свой тяжкий крест вдовы-солдатки, матери погибших на войне сыновей!

Слайд 62

Астафьев

Родилась и выросла Паруня в Быковке. Трудиться стала с четырнадцати лет, потому что рано осиротела. Войну она встретила уже взрослой... работала, как все колхозники, дни и ночи, не разгибаясь, в старой телогрейке, в лаптях, которые зимою часто примерзали к ногам. «Паруша, война идет. Надо фронту мясо», — говорили ей. Надо так надо. Силой Бог не обидел, раденье от природы, а тут еще бабы свои, родные все, как им не подсобить? «Паруша, подежурь за меня, ребенок заболел...», «Паруша, съезди в лес по сено, корова падает...», «Паруша, помоги напилить дров... перед всеми она в долгу, перед нею — никто. Ей как бы самой жизнью было заказано прибегать к бабьему средству — слезам, и вообще всякое облегчение, жалость, сочувствие вроде бы на нее не распространялись, они ровно бы и отпущены ей судьбою не были.

Слайд 63 (на фоне одного слайда)

Абрамов

Встаньте, люди! Русская крестьянка идет. С восьмидесятилетним рабочим стажем. Да, да, да! На пятом году взяла она грабли в руки, да так до сих пор и не выпускает их. Старухи плакали, рвали мое сердце слезами, жалобами и снова и снова заставляли меня оглядываться назад, на тот крестный путь, который они прошли. Коллективизация, война, гибель мужей и сыновей на фронте, раннее вдовство и безотцовщина, разруха послевоенная, голод, налоги — в дугу согнись, и в конце как итог всего этого — двенадцатирублевая пенсия...

Астафьев

Мир праху твоему, русская женщина! Вечная и светлая память тебе! Душа моя сочтена слезами, когда я думаю о тебе, вспоминаю тебя. Мир праху твоему! Прости нас, живых, вечным прощением — мы не от зла и не от дурости такие равнодушные и жестокие, мы от жизни такие. И еще неизвестно, какая кончина постигнет нас и какая память за нами будет. Может, никакой не будет — и это возможно в наши дни.

Слайд 64

Ведущий

Мария Семеновна Астафьева — не просто жена знаменитого писателя, но и сама — великолепный литератор и просто талантливый человек. Фронтная медсестра, радиожурналист, писатель, редактор, член Союза писателей. Почетный гражданин Чусовского района Пермского края. Литературный собеседник, секретарь, помощник, тысячи страниц она напечатала на машинке, разбираясь в его почерке, храня воспоминания о нем. Умела в доме создать уют, тепло, приятную обстановку.

Слайд 65

Астафьев

Мария Семеновна — великая женщина. Это я знаю как никто другой. Великая женщина! Мы женились еще в 45-м. Она тоже была в армии. Много перенесла. Выдержать столько испытаний, прожить с таким мужем, как я, более полувека, столько работать, и как работать! Столько горя пережить — двух дочерей мы с ней схоронили... Я не могу представить, что у меня была бы какая-то другая жена... она у меня и друг, и помощник, и хозяйка хорошая, умница, хлебосольница, настоящий домашний эконом. Редкостного ума, такта, душевности, и готова за меня голову свою отдать и сердце вынуть, если надо. Это не красивые слова, а правда. Только я ей никогда их не говорил — стесняюсь...

Слайд 66

Ведущий

Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова — филолог, исследователь литературного наследия А. И. Куприна, И. А. Бунина. Встретившись с Абрамовым в послевоенные годы в стенах Ленинградского университета, они сдружились, а чуть позже поженились. Она была свидетелем создания первых глав романа «Братья и сестры», а потом, когда в течение десятилетия он вошел в число крупнейших русских прозаиков второй половины XX века, поддерживала все его планы и начинания, была первым критиком и советчиком, после его смерти более четверти века она выполняла его наказ: «Живи за двоих и заверши мои писательские дела».

Слайд 67

Абрамов

Мне попалась жена, у которой был с ранних лет, с юных лет обостренный вкус к вопросам нравственным, духовным. И наш семейный брак — это и брак социологии и нравственности.

Я, конечно, был отчаянный социолог... Я не могу не сказать о ней добрых слов, потому что она мой соратник. Она человек, без которого я вообще-то ничего не делаю ни в жизни, ни в литературе. Я не скрываю: я подкаблучник. Но, я думаю, каждый нормальный мужчина — подкаблучник.

Слайд 68. Диалог 6. ПРОПУЩЕНО ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

Слайд 69

Астафьев

Всякий писатель, и я тоже, по своей природе выдумщик, сочинитель. Ведь если вспомнить гоголевского городничего, да и нас, грешных, — «не привравши, никакая речь не говорится». Так что даже в «Последнем поклоне» я — это я; бабушка Катерина Петровна — реальная моя бабушка, и мама с папой, и дед Павел, и бабушка из Сисима Мария Егоровна — все из моей реальной жизни, хотя как литературные персонажи в чем-то добавленные и доправленные. А уж семейство дяди Левонтия — это мой чистый вымысел, и, если они вышли у меня реальными людьми и повесть в целом состоялась — не зря, значит, бумагу мараем.

Слайд 70

Абрамов

В творчестве писателя в той или иной мере всё автобиографично, всё пропущено через его сердце, но в моих романах, в отличие от некоторых повестей и рассказов, эта автобиографичность особого рода. Скажем, не будь в моем личном опыте раннего безотцовства, чувства повышенного долга перед семьей, перед родными, я бы, вероятно, никогда не смог написать пряслинскую семью, постигнуть, так сказать, красоту и радость взаимовыручки, самопожертвования во имя ближнего.

Научиться отдавать — это самая большая радость. В литературу должны идти только те, кто хочет служить людям. Писатель — личность, он должен звать, вести, дать что-то для души и сердца.

Слайд 71

Астафьев

У меня до войны была редкостная память, которая меня избаловала до того, что я ничего другого делать не хотел — ни учиться, ни трудиться — мне всё давалось «просто так». Работа в литературе, огромное перенапряжение самого себя (ведь одновременно и грамоту, и всё-всё надо было постигать самостоятельно) так меня износили, что потекли остатки памяти, но и с половиной того, что было, что не отшибло на войне, жил я вольно и припеваючи — никогда много не записывал, сочиненное в лесу год-полтора назад восстанавливал до звука, когда доходило в писанине именно до этого, где-то сочиненного места.

Слайд 72

Абрамов

На самом деле работа писателя — это работа, относящаяся к вредным. Иногда это полное безденежье. Иногда это нравственные муки, полная неудовлетворенность. Потому что получается редко. Выпадает тебе минута в неделю, когда страницу хорошую напишешь и счастлив, а то и рвешь бумагу, волосы на себе рвешь. И мой совет: если можешь быть не писателем, не будь им.

Слайд 73

Астафьев

...Даже кувалда, которой я в свое время орудовал в литейном цехе, не брала столько здоровья и не выматывала так, как «легонькое» писательское перо. Но и, конечно же, ни одна работа и не приносила мне столько счастья и восторга, как это литературное дело. Когда вдруг из ничего, из обыкновенного пузырька с чернилами извлечешь что-то похожее на жизнь, воссоздашь из слов дорогу себе, а иногда и другим людям картинку или характер и замрешь, как художник перед полотном, пораженный этим волшебством — ведь из ничего получилось! Господи! Да неужели это я сделал?

Слайд 74

Абрамов

Мое счастье, мое везенье — это моя литературная судьба. Мне повезло. Много, очень много талантливых ребят, людей, которые выходили со мной, и которые выходят сегодня, и которые выйдут еще после меня на трудную тропу литературы, не достигнут того, чего я достиг. Не потому, что я их талантливее. А потому, что мне повезло! Меня били! Крепко били. Но те произведения, за которые меня били, — проходили годы, проходило время — и их причисляли к положительным явлениям советской литературы.

Слайд 75

Астафьев

Маленький, совсем малограмотный, я уже сочинял стихи и разного рода истории, за что в ФЗО и на войне меня любили и даже с плацдарма вытащили, но там, на плацдарме, осталась половина меня — моей памяти, один глаз, половина веры, половина бездумности, и полностью остался мальчик, который долго во мне удобно жил, веселый, глазастый и неунывающий.

(Становясь лицом к залу.)

Слайд 76 (на фоне одного слайда)

Астафьев

Всё течет, всё изменяется — свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет. ...Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Абрамов

Чему я поклоняюсь? Что я исповедую? Какая моя вера? Что больше я ценю в своей жизни? И от чего получал радости больше всего?

Слайд 77

Астафьев

Когда-то я подхватил и с энтузиазмом повторял слова Константина Симонова: «Всю правду о войне знает только народ». Увы... народ наш в большинстве своем не знал ее и, возможно, знать не хочет — слишком страшна она и отвратительна, слишком для усталых русских людей, прежде всего истинных вояк, правда эта неподъемна. Много сторит во времени и развеется пеплом в мироздании из того, что хранит усталая да уже и изнемогшая от тяжкого груза российская память и история. Но есть закон в литературе и для всех закон, кто взял в руки перо: пиши в расчете на самого умного и взыскательного читателя!

Слайд 78

Абрамов

Единственное, что есть на свете, — это жить честно и помогать ближним. Выше этого ничего нет. К этому придут все мои герои. Без нравственности нет настоящей жизни. Потому что если отбросить нравственность, то есть позволить человеку убивать себе подобных, то где доказательство, что он пребывает в реальной жизни, а не в мороке? Правда всегда нравственна. Правда в конечном счете всегда возвышает и поднимает человека. Если у вас нет сил переделать жизнь, то надо иметь мужество хотя бы передумать.

Слайд 79. Заключение

Ведущий

Проза, публицистика Федора Абрамова и Виктора Астафьева задевали многие болевые точки русской жизни советского периода: нецензурированную память о войне 1941–1945 годов, драматическое исчезновение традиционного сельского уклада, варварское отношение к природе.

И сейчас, в XXI веке, когда их живые голоса продолжают звучать лишь со страниц оставленного нам литературного завещания, — нам выпала честь — тот огонь удержать, поддержать, сохранить, если хватит таланта, силы души и страстного желания выполнить свой долг перед писателями — во многом не понятыми, не услышанными при жизни.